

Буря в столице взметнулась разом, словно кипяток хлынул обратно в золотые чертоги.

Семьдесят три коллективных прошения громоздились на императорском столе одно на другом, словно могила, сложенная из туши и крови. Каждое было пропитано ужасом, в каждом мазке значилось: Еретические речи Се Линя смущают умы, должно предать казни весь его род до девятого колена. Кто-то падал на колени и бился лбом о камни, заливаясь кровью; кто-то колотил себя в грудь и срывал голос; аные же тайком прокусывали пальцы и, используя кровь вместо туши, приписывали в самом конце свитков двенадцать роковых слов: Гнев небес и негодование народа, не убить — не усмирить государство.

Но на возвышении над ними пустовал трон Сына Неба.

Великий Историк Цэнь Чжао стоял у подножия ступеней храма, облаченный в парадные одежды глубокого лазурного оттенка. Манжеты его одеяний были вышиты узором из скрытых облаков, на них не упало ни единой алой капли. В руке он сжимал волчью кисть, кончик ее замер в воздухе; тушь еще не коснулась бумаги, но в самом предвкушении уже сквозила морозная стынь.

— Уважаемые сановники, — заговорил он. Его голос звучал хрупко, словно раскалывающийся нефрит, неторопливо и мерно: — То, о чем вы толкуете, — это требования государственного закона или же ваш собственный страх?

Никто не осмелился ответить.

Он легко усмехнулся и с размаху швырнул кисть на золотой кирпич пола. Брызги туши разлетелись в стороны, словно распустившиеся кровавые цветы.

— Разве можно принимать безумные речи за закон?

Эхо затихло, и в огромном зале воцарилась абсолютная тишина.

Он повернулся, взмахнул широкими рукавами, и все семьдесят три прошения вмиг поглотило пламя жаровни. Пепел взмыл черными бабочками, закружился в воздухе и неожиданно сложился в иероглиф Се, после чего медленно растаял легкой дымкой.

— Императорская лечебница вынесла окончательный диагноз, — голос Цэнь Чжао звучал ровно, так, будто он зачитывал прогноз погоды: — Рассудок Се Линя помрачился, он изрекает безумные пророчества о небесном предопределении. Допрашивать его не следует, надлежит подвергнуть заточению, дабы наблюдать за изменениями его состояния.

Стоило ему умолкнуть, как дворцовая стража хлынула прочь подобно отливу, оставив лишь двух евнухов. Схватив Се Линя с обеих сторон, они поволокли его в тронный зал.

Он шел босиком, в лохмотьях, запястья его пересекали еще не засохшие следы крови, а под ногтями чернела зеленая грязь с мха холодных покоев. И тем не менее глаза его горели поразительным, пугающим блеском — точно искра, которая отказывается гаснуть даже под толстым слоем остывшего пепла.

Он не сопротивлялся и не молил о пощаде. Лишь когда его протащили мимо Цэнь Чжао, он внезапно тихо усмехнулся:

— Великий Историк, ты сегодня не убиваешь меня — боишься, что я умру слишком быстро, или же... что слишком медленно?

Шаги Цэнь Чжао не замедлились, он лишь бросил негромко:

— Уведите. Бросить в секретные архивы Внутреннего совета. Без моего прямого приказа не выпускать.

Уже у входа Се Линь на мгновение обернулся.

Цэнь Чжао в этот момент склонил голову и белым шелковым платком медленно вытирал брошенную на пол кисть.

Эту самую кисть он десять лет назад лично преподнес ему в дар.

Кисть, которую Се Линь в своей прошлой жизни перед самой смертью зажал в его ладони.

Секретные архивы находились в самой глубокой части Внутреннего совета. Стены со всех четырех сторон были глухими, без единого окна, горел лишь единственный бронзовый светильник. В чаше тлело масло с ароматом алой древесины, испуская чистый, прохладный запах сосновой хвои после снегопада.

Се Линя приковали цепями к деревянному столу. На нем громоздились обрывки императорских указов, рядом лежали бруски туши, тушечница и бумага — все необходимое для письма.

— Пиши, — холодно бросил евнух. — Каждые сутки — триста знаков. Хоть в одном знаке ошибешься — лишишься пальца.

Се Линь ничего не ответил. Он лишь молча опустил на стул, взял кисть и обмакнул ее в тушь.

В первый день он переписывал Канон сыновней почтительности. Его почерк шелкриво и косо, напоминая походку пьяного бродяги.

На второй день он переписывал «Подлинные записи императора-основателя». Нажим стал увереннее, но в штрихах проступила едва заметная свирепость.

На третий день он переписывал изданный Цэнь Чжао накануне «Указ о запрете колдовства». Его почерк уже на семь десятых походил на почерк самого Цэнь Чжао.

На четвертый день он принялся переписывать начало «Истории гибели Великой династии Инь: Обломки» — того самого свитка с Кровавым Указом, что объявился на дне высохшего колодца в холодных покаях.

Он выводил иероглифы донельзя медленно, и каждое движение отзывалось болью, будто он вырезал кусок из собственного сердца.

Лунный свет падал из-за окна под косым углом, высвечивая свежую рану на запястье: минувшей ночью он до крови прокусил палец, чтобы вывести кровью на бумаге иероглиф Се, но евнух стер его, оставив лишь безобразный синяк.

Внезапно он тихо рассмеялся.

— Почему ты не убиваешь меня? — спросил он, и голос его звучал так легко, будто он обращался к ветру.

Никто не ответил.

Но он знал: его слушают.

В ту ночь Цэнь Чжао пришел к нему.

На нем не было парадных одежд, плечи укрывала лишь черная меховая накидка, а в руке он держал стеклянный фонарь. Фитиль едва заметно дрожал, окрашивая его черты в морозно-холодные тона.

Не сказав ни слова, он положил на стол старый потертый свиток.

Се Линь бросил на него взгляд, и его зрачки сузились до предела.

То были уцелевшие страницы «Оставшихся рукописей рода Се». Десять лет назад, когда его сожгли в пламени ведомства Великой истории, эти исторические записки были при нем. Он думал, что они обратились в пепел вместе с его костями.

И тем не менее этот лист сохранился, на нем даже виднелась половина строки, выведенной

тушью: «Ели Небесам суждено погубить Инь, сперва они смутят её историю; если история не уцелеет, у людей не останется душ».

— Ты... — голос Се Линя дрожал. — Ты всё это время хранил их?

Цэнь Чжао не ответил. Он лишь молча положил на бумагу обломок нефритовой шпильки со следами крови.

Шпилька переломилась пополам, бурый цвет засохшей крови въелся в камень, но все равно было отчетливо видно, что на ее вершине вырезана феникс, держащая в клюве кисть — ту самую шпильку Се Линь носил в волосах в день своей мученической смерти за историю.

— Десять лет назад ты сгорел в ведомстве Великой истории, — тихо произнес Цэнь Чжао. — Когда я примчался туда, то нашел лишь эту поломанную шпильку да обугленный гроб. Перед смертью ты спрятал исторические записки в двойном дне под гробом. Я приказал раскопать пепелище, но отыскал лишь горстку праха.

Он замолчал, и его взгляд опустился на запястье Се Линя:

— Но то, что ты написал сегодня, буква в букву совпадает с твоим почерком тех лет.

Се Линь закинул голову и рассмеялся так безудержно, что из глаз брызнули слезы.

— Ты сошел с ума, — прошептал он. — Ты и впрямь веришь мне? Веришь письмам мертвеца?

Цэнь Чжао шагнул ближе, протянул руку и мягко коснулся его растрепанных волос.

Жест был полон нежности, точно так гладят увядающую травиночку.

— Потому что если ты умрешь, — его голос звучал тихо, но каждое слово падало в тишину острым гвоздем, — этот мир и впрямь превратится в ту самую катастрофу из твоих исторических книг, о которой никто не посмеет написать.

Се Линь замер.

Он вспомнил, как перед самой смертью в прошлой жизни вывел проклятие кровью: Если Цэнь Чжао умрет, я обращу кровь в тушь и испишу всю вашу фальшивую историю до последней строчки.

Он думал, что это ненависть.

Но сейчас тепло пальцев Цэнь Чжао заставило его вдруг отчетливо понять: это было не проклятие.

Это был крик о помощи.

Единственное послание, которое он перед лицом смерти смог оставить этому человеку.

— Ты испил Пилюлю Забытой Души, — внезапно произнес Се Линь. Голос его охрип до неузнаваемости. — Верно?

Движение Цэнь Чжао на миг замерло.

— Ты инсценировал собственную смерть, чтобы дать мне шанс на перерождение, — Се Линь поднял глаза, и в его сияющих слезах мелькнула улыбка. — Вот почему ты не убиваешь меня... Ты боишься, что если я погибну, то в этом мире больше не останется никого, кто помнил бы правду.

Цэнь Чжао прикрыл глаза.

— Да, — признал он. — Я выпил пилюлю и забыл всё. Но каждый написанный тобой иероглиф оживал в моих снах.

Он достал из рукава свиток из шелка и развернул его — перед ними предстали уцелевшие страницы «Записей о царственном кладе Великой династии Инь», составленные Се Линем в прошлой жизни.

Тушь на них еще не высохла.

Там отчетливо чернело: «Если Цэнь Чжао умрет, я обращу кровь в тушь и испишу всю вашу фальшивую историю до последней строки».

Се Линь резко вскинул голову:

— Это... разве не я написал?

— Ты, — тихо ответил Цэнь Чжао. — Перед смертью ты написал это кровью на моей ладони. Когда я проглотил пилюлю, эти слова вросли в мою плоть и кровь. Я смог забыть воспоминания, но не смог забыть твою ненависть, твою боль и твою... одержимость.

Се Линь внезапно бросился вперед, судорожно вцепился в воротник Цэнь Чжао, впившись ногтями ему в грудь:

— Значит, теперь ты всё помнишь?!

Цэнь Чжао не отстранился, позволив ему терзать свою одежду, и лишь вымолвил:

— Я никогда и не забывал.

— Тогда почему... — Се Линь подавился рыданием, — почему ты заставляешь меня жить?

Цэнь Чжао обхватил его руками, прижимая к груди с невероятной силой.

Это объятие было наполнено теплом, в нем смешались аромат алой древесины и тот самый запах лисьей шубы, которую Цэнь Чжао накинул на него в холодную ночь в тех мрачных покоех.

— Потому что пока ты жив, — прошептал он, и губы его почти касались уха Се Линя, — в этом мире еще найдется тот, у кого хватит смелости писать правду.

Се Линь задрожал всем телом и наконец разрыдался в голос.

Словно душа, томившаяся в заточении целое десятилетие, услышала наконец зов родного дома.

На следующее утро у входа в секретные архивы Внутреннего совета евнух передал новый указ.

Цэнь Чжао развернул его, и его лицо неуловимо изменилось.

В самом конце указа появилась новая строка, выведенная кровью, словно свежезастывшая киноварь:

«Императрица проглотила золото, узрев твое имя».

Именно об этой жуткой вести шептались минувшей ночью во Дворце Фэнъи.

Цэнь Чжао свернул указ, повернулся лицом к слугам и велел принести единственный уцелевший экземпляр «Записей о царственном кладе Великой династии Инь», написанных Се Линем в прошлом. Он раскрыл его на последней странице.

Там, на пергаменте со свежей тушью, четко красовалось:

«Если Цэнь Чжао умрет, я обращу кровь в тушь и испишу всю вашу фальшивую историю до

последней строки».

Он легко провел пальцем по этой строчке и тихо произнес:

— Ты был прав.

— Но на сей раз, — он поднял взгляд, устремляя его вглубь секретных архивов, — я не позволю тебе писать в одиночку.

Он приказал подать семьдесят две новые кисти, и на каждой из них было вырезано одно имя — Се Линь.

Затем он собственной рукой взял кисть и приписал на обратной стороне указа мелким почерком:

«Великий Историк Се Линь, хоть и помрачен рассудком, преданностью своей не усомнит. Отныне каждый императорский указ должен проходить через его переписку, дабы считаться повелением, ниспосланным Небесами».

Указ разлетелся по всей Поднебесной.

Придворные круги пришли в смятение.

Но никто не смел возразить.

Ибо почерк этот ничем, до малейшего штриха, не отличался от почерка самого Первого министра Цэнь Чжао.

А в глубине секретных архивов Се Линь выводил кистью иероглиф за иероглифом, переписывая новый указ.

Он писал неторопливо, но твердо.

Каждое движение кисти казалось попыткой вернуть этому миру сожженную дотла историю и переписать ее заново.

За окном поднялся ветер.

Тонкая струйка серого дыма пробилась сквозь углы карниза и опустилась на его стол.

Это был пепел тех самых прошений, что Цэнь Чжао велел сжечь минувшей ночью.

Среди пепла виднелся крошечный, нетронутый пламенем уголок бумаги, на котором проступало несколько мелких слов:

«Се Линь, ты все же прочел это».

Он поднял голову и посмотрел в окно.

Наступал рассвет.

<http://bllate.org/book/19340/1891103>